

Пусть Фан Чжуншань никогда прежде и не занимался уличной торговлей, он всё же был родом из будущего — из Китая, великой кулинарной державы.

Работа сборщика трав обязывала его круглый год кочевать вслед за сменой сезонов от одной горной вершины к другой. За это время Фан Чжуншань успел повидать немало мест, и в пути ему то и дело встречались запоминающиеся кулинарные шедевры.

Чего только стоили обычные уличные шашлычки на углях или ароматные шпажки-чуаньчуань для хого! Перенеси он любое из этих блюд сюда, в Дааньго, оно мгновенно прослыло бы невиданным лакомством.

В конце концов, даже если сам он эти яства не готовил, то уж точно видел, как это делают другие. Пожалуй, стоило подумать над каким-нибудь простым в приготовлении стритфудом. Если уж здешний торговец умудрялся проворачивать бойкие дела, продавая эти сомнительные, толстокожие гуантаньбао, то знаменитые китайские уличные закуски точно не потерпят здесь фиаско.

Фан Чжуншань так глубоко ушёл в свои мысли, что не сразу услышал, как маленький Шуаньэр зовёт его, легонько подёргивая за рукав.

— Старший брат Чжуншань? — встревоженно спросил Цзян Жан. — Почему ты вдруг замолчал и застыл как вкопанный?

Взглянув на надкусанный гуантаньбао, от которого осталась едва ли треть, Шуаньэр укоризненно вздохнул. В его душе шевельнулось смутное чувство вины.

«Неужели он подумал, что я слишком много ем?»

Молча завернув оставшиеся три штуки обратно в бумагу, он упрямо вложил сверток в ладонь Фан Чжуншаня и тихо, с понурым видом пробормотал:

— Раз старшему брату Чжуншаню они так нравятся, пусть все остаются тебе.

Фан Чжуншань наконец очнулся от своих грез. Обиженное личико Цзян Жана и его нелепое заблуждение заставили мужчину весело расхохотаться.

— Глупенький Шуаньэр, и что только творится в твоей маленькой голове? — Фан Чжуншань с улыбкой потрепал приунывшего обжору по плечу. — Я просто засмотрелся на эту лавку. Мне вдруг вспомнилось несколько рецептов уличной еды, которыми когда-то со мной поделился один деревенский старейшина. Вот и подумал: почему бы нам не последовать примеру этого торговца и тоже не открыть собственную палатку?

Рецепты эти были плодом многовековой мудрости безвестных китайских кулинаров, и Фан

Чжуншаню не хотелось приписывать все заслуги себе. Пришлось выдумать таинственного старика, чтобы избежать лишних расспросов.

К счастью, доверчивый Шуаньэр ловил каждое слово Фан Чжуншаня. Его глаза восторженно округлились, и он искренне восхитился:

— Ого! Вот это здорово! Старший брат Чжуншань, ну и силен же ты! И в травах разбираешься, и стряпать умеешь!

Искренняя похвала лилась из уст юноши нескончаемым потоком. Даже выдавший виды Фан Чжуншань слегка смутился от такого натиска. Он замахал руками, пытаясь перевести разговор на другое:

— Да ладно тебе, я ведь только слышал о них. Не факт, что получится вкусно. Сначала надо попробовать приготовить. Ну, кроме этих булочек, присмотрел себе что-нибудь еще? Мы не так часто выбираемся в Фаньянчэн. Сегодня я готов купить тебе всё, чего твоя душа пожелает!

Цзян Жан мгновенно загорелся этой идеей. Глаза его заблестели, но он тут же принялся деловито загибать пальцы, подсчитывая расходы:

— Деньги-то мы выручили неплохие, да только сорить ими негоже. Бережливость — основа крепкого дома! Давай сперва купим всё необходимое: рис, масло, соль да соевый соус, а там видно будет. К тому же, — он не слишком убедительно погладил себя по животу, — я уже наелся досыта, больше в меня ничего не влезет.

Фан Чжуншань прекрасно видел Цзян Жана насквозь и понимал, что тот просто пытается сэкономить каждую монету. Разоблачать эту наивную уловку он не стал, лишь протянул ему обратно теплый бумажный сверток:

— Ладно, доедай тогда. Я не особо жалую свинину.

И хотя это было чистой правдой, Шуаньэр ему не поверил. Он решил, что Старший брат Чжуншань просто проявляет заботу и уступает ему лакомство. Растроганный до глубины души, Цзян Жан принялся жевать гуантаньбао с видом величайшей важности.

Длинная улица уличных лотков полностью оправдывала свое название. Шумные торговые ряды тянулись бесконечной лентой, теряясь где-то вдаль. Зазывалы кричали наперебой, предлагая прохожим самые невероятные диковины. Именно за этим разнообразием сюда и стекались чужестранцы — каждый надеялся отыскать среди груды дешевого хлама настоящее сокровище.

Крепко сжав ладонь Цзян Жана, Фан Чжуншань неспешно увлек его вглубь пестрой толпы. По обе стороны дороги торговали плетеными корзинами, свежими домашними овощами и даже

куриными перьями.

Закупив всё необходимое и нагрузив плечи тяжелыми тюками, они уже собирались уходить, как вдруг внимание Фан Чжуншаня привлек небольшой лоток, у которого пищали крошечные цыплята и утята. Он невольно замедлил шаг.

Продавцом оказался потрепанный жизнью мужчина средних лет. Заметив потенциального покупателя, он тут же вскочил с земли и заискивающе заулыбался:

— Почтенный господин, не желаете взглянуть на товар? Мои птенцы — лучшие на всей улице! Крепкие, здоровые. Ежели приглянулись, выберите себе парочку!

С этими словами торговец ловко выудил из загородки нескольких цыплят и протянул их на раскрытых ладонях прямо к лицу Фан Чжуншаня.

Фан Чжуншань окинул птенцов оценивающим взглядом и нахмурился:

— Ты всех покупателей за дураков держишь? Те, которых ты мне подсовываешь, еле дышат. Они и пары дней не протянут.

Улыбка мигом сползла с лица торговца. Он набычился и угрожающе уставился на Фан Чжуншаня:

— Ты что плетешь, паршивец? Конкуренты подослали смуту сеять? Кости давно не ломали?!

Фан Чжуншань даже бровью не повел. Прежде чем лавочник успел замахнуться, он перехватил его запястье и мертвой хваткой сжал руку.

— Что, правда глаза колет? — вежливо, но с ледяной усмешкой спросил он. — Теперь за честные слова кулаками машут?

В его улыбке не было тепла, взгляд оставался колючим и жестким, а пальцы сжимались с такой силой, что кости торговца едва не затрещали.

«С этим парнем шутки плохи», — мгновенно пронеслось в голове напуганного лавочника. Он поспешил сменить гнев на милость, заискивающе закивав:

— Господин, ваша правда, ваша правда! Не гневайтесь. Взгляните сами, в корзине полно других птенцов, выбирайте любого на свой вкус!

Фан Чжуншань разжал пальцы и обернулся к робко прижавшемуся к его плечу Цзян Жану. Его

голос мгновенно потеплел:

— Выбирай сам. Вырастим их у себя дома.

Крошечные желтые комочки давно заворожили юношу. Стоило Фан Чжуншаню разрешить, как Шуаньэр тут же опустился на корточки и с самым серьезным видом отобрал несколько шустрых, упитанных цыплят и утят. Птенцы, оказавшись в плетеной корзинке, принялись испуганно жаться друг к другу, наперебой попискивая и крякая.

Напуганный суровым нравом покупателя, торговец не осмелился заломить цену и запросил скромные сорок медных монет. Получив плату, он облегченно вздохнул, радуясь, что так легко отделался.

Бережливость бережливостью, но Цзян Жан сиял от счастья, бережно неся корзинку. Но спустя некоторое время его лицо омрачилось внезапной мыслью:

— Ой, Старший брат Чжуншань... Мы ведь огород не держим. Чем мы станем кормить эту прорву ртов?

— Не переживай, птица — тварь неприхотливая. Будем копать им червей в лесу, а подрастут — станем выпускать на склоны, пускай сами себе мошек ищут.

Ответ успокоил Цзян Жана. Он повеселел, его глаза сощурились от улыбки, а на щеках снова проступили очаровательные ямочки.

Прогуливаясь по торговым рядам, Фан Чжуншань то и дело подмечал, насколько скудны и примитивны были здешние представления о кулинарии. Народ здесь жил бедно, и мясо на столах крестьян появлялось по большим праздникам. Позволить себе парную вырезку из лавки мало кто мог, поэтому бедняки охотно тратили последние гроши на дешевую уличную стряпню — хотя бы ради того, чтобы ощутить мимолетный вкус мясной начинки.

Почти на каждом углу предлагали одно и то же: комки липкого пресного теста с крошечным вкраплением фарша, наспех сваренные или обжаренные в темном перекаливавшемся масле. Выглядели эти кушанья неказисто, но у лотков всё равно толпились люди — манил сам запах жира.

Стоило Цзян Жану вдохнуть этот тяжелый, маслянистый аромат, как в нем вновь проснулся аппетит. Живот юноши, в котором совсем недавно скрылись три сытных булочки, предательски заурчал на всю улицу. Фан Чжуншань, шедший рядом, прекрасно всё услышал.

Цзян Жан замер, густо покраснев до самых кончиков ушей.

«Ну что за прожорливое брюхо! — сокрушался он про себя, едва не плача от стыда. — И без

того объелся, а всё мало. Вдруг Старший брат Чжуншань решит, что я ненасытный обжора, и откажется от меня?!»

Едва сдерживая смех, Фан Чжуншань указал на ближайший лоток с горячим бульоном:

— Пожалуй, надо бы перекусить на дорожку. Я и сам проголодался. Выпьем по пиале горячей похлебки, чтобы в пути не сосало под ложечкой.

Накупив полную телегу всякой всячины и набив животы, они успели к самому отправлению последней повозки. Солнце уже клонилось к закату, когда они заняли свои места на дощатом настиле. Повозка мерно покачивалась в такт цоканью копыт. Крошечные утята и цыплята, напуганные тряской, сбились в пушистый комок на дне корзины и жалобно попискивали.

Растянувшись на жестких досках телеги, Фан Чжуншань подложил руку под голову и уставился на пламенеющий небосвод. Его мысли лениво блуждали где-то далеко.

Только теперь, по прошествии времени, он окончательно смирился с тем, что его бывшая жизнь оборвалась на дне ущелья во время сбора трав, а душа переродилась в этом чуждом мире. Судьба даровала ему тело младшего сына семейства Фан. Пусть его новые родичи порой казались странными и несносными, они искренне любили его и пеклись о его благе.

А еще у него появился очаровательный супруг. Хотя Цзян Жан уже вошел в пору зрелости, повадками он всё еще походил на робкого, ласкового ребенка, чье сердце было чистым и бесхитростным. В прежней жизни Фан Чжуншань был одинок, словно перст в бескрайней пустыне. Теперь же, глядя на дремлющего рядом юношу, он понимал: жаловаться ему точно не на что.

Предстоящий экзамен в аптеке «Ветра и Облаков» он обязан сдать во что бы то ни стало. Да и дело с уличной торговлей откладывать в долгий ящик нельзя — нужно как можно скорее составить план. Стоило ему подумать о будущих заработках, как по телу разливался приятный жар, а в душе крепла уверенность.

Проще всего было начать с сытных и дешевых закусок. Шашлычки на углях да острые шпажки-чуаньчуань для хого пользовались бы у простого люда бешеной популярностью. Ежели подойти к делу с умом, монеты потекут в карман рекой.

Одно плохо: здешний выбор приправ оставлял желать лучшего. Сколько Фан Чжуншань ни высматривал среди лотков острый перец, поиски не увенчались успехом. Расспросив Цзян Жана, он с удивлением узнал, что в юго-западных землях Дааньго о подобном растении никто отродясь не слыхивал.

— Острый перец? — переспросил его Шуаньэр. — А каков он на вкус? Жжет язык до онемения? Звучит как какая-то отравка... В нашей деревне Цзян о таком и слыхом не слыхивали.

Беликие кулинарные замыслы Фан Чжуншаня дали трещину, даже не успев воплотиться в жизнь. Всё упиралось в этот злосчастный перец.

Заметив, как поник его спутник, Цзян Жан робко придвинулся ближе и прошептал:

— Старший брат Чжуншань, ты только не расстраивайся. Может, это я просто глупый, сидел без вылазки в своей деревне и ничего не знаю. Давай завтра спросим у дяди Линя? Дядя Линь почитай каждый день в горах пропадает, да и с приезжими купцами знается. Он человек бывалый, уж точно должен ведать, где сыскать твой загадочный перец!

<http://bllate.org/book/19394/1973327>